
Иван Климов

«КОНСТРУКТИВНЫЕ» И «ПРОТЕСТНЫЕ» ДВИЖЕНИЯ КАК РЕСУРС ИЗМЕНЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК

В статье предложена типология «социальных новаторов», которых мы определяем через способность (а) оказывать влияние на существующие *правила*, реализованные в практиках и институтах, и (б) создавать *сети* сообщества. Эти параметры взяты в качестве основания для построения типологии, задача которой определить принципиально возможные типы социальных новаторов, создав описание функциональных особенностей их ролевых позиций и не противопоставляя однозначно «конструктивные» и протестные формы активности. Мы полагаем, что предложенные типы могут комбинироваться друг с другом. Типология позволяет не только описывать «идеальные типы» новаторов с точки зрения основного типа активности – от протестно-конфликтного до легального, различать приоритеты в их стратегиях (ориентация на ресурсы статуса или на ресурсы сети); но и показывает возможные приобретения и потери социальных новаторов при смене или совмещении ими различных ролевых позиций.

Ключевые слова: гражданская активность, социальное новаторство, добровольчество, протестные движения

Проблематика социального протеста снова становится неудобной темой для исследований, и одна из причин этого – тренд на маргинализацию протеста в публичной политической повестке. С одной стороны, «белоленточное движение» в значительной степени было разрушено атаками «контрпропа» и стало восприниматься как форма праздного времяпрепровождения «креативного класса» («креаклов»), на которых недоу-

Иван Климов – доцент, факультет социологии НИУ ВШЭ, Директор Центра изучения Интернета и общества РЭШ, Москва, Россия. Электронная почта: klimov_ivan@list.ru

менно и недружелюбно смотрит «уралвагонзавод». С другой стороны, оказалось, что протесты вызванные недовольствами социальной политикой не обладают достаточной мобилизующей силой, для того чтобы стать значимым фактором общественной жизни. Плата за парковку в Москве, движение в защиту Байкала, обманутые дольщики, голодовка О. Шейна и события в Бирюлево не смогли сформировать потребность в необходимости диалога с властью и инструментов агрегирования мнений и критики. И уж тем более ни одно из этих событий не оказало заметного влияния на институционализацию гражданской активности, на развитие практики взаимодействия органов власти с низовыми инициативами граждан.

Вместе с тем, один из сегментов гражданской активности демонстрирует успешную институционализацию как на локальном и региональном уровнях, так и на федеральном. Это – добровольчество (см., например: Бодренкова 2008), то есть «проактивная» и «конструктивная» деятельность, не нацеленная на конфликт, конфронтацию и отстоящая от социального протеста. Есть два обстоятельства, не позволяющие рассматривать волонтерство в качестве феномена, изолированного от других форм коллективной активности. Во-первых, логика внутригрупповой динамики, основанная на принятии ответственности за некий объект (территорию, людей, дома или памятники), остается конструктивной ровно до тех пор, пока не приходит в противоречие с намерениями какой-либо внешней – часто «элитной» – группой интересов. В момент конфликта быстро обнаруживается, что у групп, наделенных финансовыми, административными и политическими ресурсами, нет ни проработанных процедур согласования интересов, ни умения это делать, ни, собственно, желания¹. Второе обстоятельство – это ориентация добровольческих инициатив на производство изменений. В исследованиях социальных движений существует большая традиция – оценивать их влияние на институты и стимулирование инноваций. Например, в одной из работ, посвященной Всемирному социальному форуму, подчеркивается, что он стал своеобразной «фабрикой мысли», сформулировав ряд проблем в качестве основы своего влияния на глобальные и национальные институты. Сложившиеся социальные практики в «странах Запада» и возникающие коллективные акторы (например, антиглобалисты) ориентируются не просто на разные «запасы знания», но используют разные *эпистемические модели*. Последние характеризуются наличием критического дискурса, стимулированием эмансипации познания от гегемонии «западной» социальной науки, противопоставления «неолибераль-

¹ Пожалуй, наиболее ярким примером являются события 2008–2009 гг. в Сочи, когда и городские, и краевые, и федеральные власти фактически отказались вести диалог с активистскими группами (Климов 2010b; Климов 2008).

ной глобализации» «критическому мышлению», «деполяризованному плюрализму» как основы кросс-культурного диалога: «Не может быть глобальной справедливости без глобальной когнитивной справедливости» (Sousa Santos 2008: 259–260).

Классики социологии (Р. Мертон, Т. Парсонс) обращали внимание на то, что изменения и инновации могут выглядеть как девиации. Часто столь же неоднозначными оказываются попытки людей и институтов адаптироваться к инновациям, поскольку это связано с активизацией внутреннего культурного конфликта, противоречащих социокультурных паттернов. Это обстоятельство и стало отправной точкой нашего исследования, фокусирующегося именно на практиках продуцирования социальных инноваций, которые возникают как результат гражданской активности, и вычленяющего типологическую группу «социальных новаторов» среди множества типажей гражданских активистов. Основным источником данных – проект «Ресурс добровольческого движения авангардных групп для российской модернизации» (ФОМ): 20 интервью с лидерами общественных организаций, проводившиеся в апреле–мае 2012 г.; материалы 14 фокус-групп (10 онлайн, 4 – очных) с активистами добровольческих групп, организаций, ассоциаций в десяти российских городах-миллионниках в апреле 2012 г. Кроме того, для нашей темы оказались полезными и другие исследования: (1) материалы разведывательного исследования ФОМ 2010 г. «Потенциал развития добровольческого движения»: пять глубинных интервью с лидерами нескольких общественных организаций; серия интервью по проекту «Барометр миграции РФ» в 2010–11 гг., Фонд «Новая Евразия»; (2) исследование ипотечных заемщиков в Иркутске в период с 2007–10 гг.¹; (3) исследование ФОМ 2001 г.: «Некоммерческие общественные организации и их лидеры», проведенное в рамках подготовительной работы по формированию состава Общественной палаты при Президенте РФ.

Волонтерство, волонтерская работа, социальное новаторство

Добровольчество (в англоязычной версии – волонтерство) представляет собой вид социальных движений, основной стержень которых – «помогающее поведение» и личное участие волонтера в создании «благ» для индивида или группы людей, остро в них нуждающихся. Эти два обстоятельства принято относить к «конститутивным» характеристикам волонтерства, в отношении которых наблюдается определенный консенсус. Этого не скажешь о других параметрах волонтерства, лежащих в иных

¹ В разное время исследование финансировали ФОМ, Иркутское ипотечное агентство, РГНФ, ИС РАН.

сферах – в политике, экономике, образовании и т.д. Они вызывают активные дискуссии в среде активистов и исследователей, поскольку часто увязываются с «девальвацией ценностей» волонтерства и скрытыми метаморфозами этой формы социальной активности. Вместе с тем, в различных низовых инициативах (НКО, протестных действиях и разного рода мобилизационных кампаниях) широко используется активность добровольцев. Есть ряд обстоятельств, которые мешают их называть понятным словом «волонтеры». Во-первых, привязка «волонтерства» к «помогающему поведению», к участию волонтера в проблеме и в судьбе конкретных людей, получающих помощь и поддержку. Во-вторых, определение «волонтерства» через преимущественную ориентацию на социально-гуманитарную сферу, а не политическую или экономическую. В-третьих, дистанцированность от действий, не ориентированных на конкретный результат, от акций, раскрученных в медиа, но «пустых» (к таковым классические волонтеры склонны причислять большинство протестных форм активности). Помимо определений «волонтерство/добровольчество» в их традиционной интерпретации, нам нужен еще один термин – *«волонтерская работа»*: деятельность, осуществляемая по самостоятельному выбору индивида, не предполагающая вознаграждения, сфокусированная на решении «общей проблемы» и получении «общего блага», распространяемого среди участников совместной активности. Такой подход позволяет не смешивать привычное понимание волонтерства с социальным (гражданским) активизмом, но при этом описать роль волонтерской работы в развитии гражданских инициатив.

Одновременно с этим, и добровольчество, и гражданские инициативы (как любые другие социальные движения) вносят свой вклад в развитие социальных инноваций, оказывая как опосредованное влияние на трансформацию действующих в обществе правил и практик, так и непосредственное – в виде изменения нормативных основ в социальной политике, экономике и даже в международных отношениях (Keane 2003: 5; Salamon et al. 2003: 15–20). Соответственно, участников движения мы, с полным на то основанием, можем считать социальными инноваторами, т.е. акторами коллективных практик по стимулированию и реализации социальных изменений. Существует обширная литература, посвященная типологизации «социальных новаторов». Эверетт Роджерс предложил ставшую классической концепцию, согласно которой распространение инноваций (технологических, социальных, организационных) проходит через несколько этапов (Rogers 1962: 150, 282–284). На каждом из них «в игру» вступают люди с определенными установками и стратегиями освоения/адаптации к инновациям, и на этом основании выделяются «инноваторы», «ранние последователи», «раннее большинство». Роджерс описал факторы, влияющие на индивидуальную готовность принять или отвергнуть новацию, и один из них – мера «видимости» инно-

вации для людей, составляющих персональную социальную сеть, в центре которой находится «гейткипер» – он же и «лидер мнений» (Rogers 1962: 134, 219). Второй аспект затрагивает типичные способы выработки решений о судьбе инновации: «коллективное», обоснованное широким консенсусом и «властное» – поддержанное высоким статусом индивида (или нескольких) в иерархии организации (Rogers 2003: 403).

Следует также отметить идею о роли сетей и «агентов инноваций» в создании «институционального переноса» инноваций на политические и социальные институты (Stone 2004). Такой «перенос» не бывает бесконфликтным и безболезненным, и более того, без институционализированных форм управления конфликтным взаимодействием «перенос» инноваций оказывается затрудненным и даже невозможным. Следует упомянуть еще один подход к типологии инноваторов. Барбара Вейнерт рассматривала стратегии акторов в двух измерениях (Wejnert 2002: 299–301). Во-первых, с точки зрения характера последствий от принятия инноваций: публичные или приватные. Ко вторым относятся последствия, эффект от которых не распространяется более, чем на индивидов или локальные группы, заинтересованные в изменениях. Как правило, требования таких акторов касаются условий их жизни или требований к институтам, от которых зависит их благополучие. «Публичные» итоги затрагивают социетальные условия существования людей и обществ и характеризуются вовлечением «крупных коллективных акторов» – стран, организаций, социальных движений. Во-вторых, это довольно ожидаемое противопоставление издержек и пользы – не только монетарных, но и связанных с социальными отношениями (конфликтами или же принятием инноваций). Или – добавим от себя – с формированием новых идентичностей. Таким образом, важным для понимания механизмов производства и распространения новаций оказываются такие факторы, как ресурсы сети и институциональные возможности, публичный или приватный тип издержек и пользы, а также сам *характер* инновации – идет ли речь о технологии, локальном решении проблемы или же об институциональных изменениях.

Типология социального новаторства

Мы приняли в качестве рабочего определения «социальных новаторов» следующее: предмет их деятельности – не решение частной проблемы, а изменение (либо создание новых) социальных практик и институтов, а также формирование сообществ на этих основаниях. То есть, мы определяем социальных новаторов (а) через их способность оказывать влияние на существующие правила, реализованные в практиках и институтах, и (б) через их способность создавать сети сообщества. Задача типологии – определить возможные типы социальных новаторов через описание

стратегий социальных действий и функциональных особенностей ролевых позиций. В качестве первого основания мы выбираем ориентацию на изменение правил. Согласно теории Елены Флем и Тома Барнса (Burns, Flam 1987), социальные правила – формы кумулятивного знания, ориентированные на сферу социального взаимодействия, помогающие достичь целей и содействующие эффективной деятельности. Правила не являются автономными единицами, они образуют «системы правил». Будучи взаимосвязанными, они повышают эффективность каждого: уменьшая неопределенность, проходя адаптацию к контекстам, создавая сети власти и контроля. Системы правил делают взаимодействие узнаваемым, определяют состав игроков и их роли; влияние материальных, организационных, культурных факторов. Однако они не определяют в полной мере социальное взаимодействие. Кроме того, на одном поле, в одной тематической сфере, действуют несколько систем, которые могут быть системно увязанными либо конфликтующими.

Рис. Типология «социальных новаторов»

Социальные акторы понимают, как использовать правила для достижения целей, поскольку, с их точки зрения, правила составляюткумулятивное знание, необходимое для достижения целей. В повседневной деятельности акторы демонстрируют знание социальной грамматики (как использовать правила при выстраивании взаимодействия в определенной ситуации) и одновременно – способность осуществлять анализ конкретной ситуации (в терминах Энтони Гидденса – «рефлексивный мониторинг действия») (Giddens 1984: 5)). То есть, акторы постоянно ищут оптимальное соотношение между ситуацией и следованием правилам, производя адаптацию последних к текущим обстоятельствам. А это, в свою очередь, влияет и на ситуацию, и на грамматику (применение правил), и, собственно, на их изменение. Существует классическое различие конститутивных и регулятивных правил. Они относятся, с одной стороны, к производству значений, с другой – к санкционированию способов социального поведения. Первые тесно связаны с *производством норм* – знаков, связанных с ними значений и наборов взаимных ожиданий агентов, в которых актуализируются права и приводятся в действие обязанности; вторые – с *системой санкций*, с реальной или предполагаемой (в силу ее нормативности) ответной реакцией воспрепятствования/поддержки социального поведения. Таким образом, для наших целей мы выбираем различие нормативной (конститутивной) функции социальных правил и регулятивной функции, а различие их в предлагаемой типологии означает стремление акторов оказать воздействие на параметры системы правил. По горизонтальной оси мы расположили предмет новаций: меняются правила либо процедуры в рамках существующих правил (см. рис.).

Второе основание типологии – это либо ресурсы сети, либо ресурсы статуса. Первым, например, является авторитет, а ресурсом статуса – должность. Анализируя институциональные характеристики действия, Гидденс указывает, что отношения автономии/зависимости характеризуются «трансформирующей потенцией» агента, включенного в систему социального взаимодействия, и этот потенциал реализуется «в попытках акторов заставить окружающих подчиниться их желаниям» (Giddens 1979: 93). Для этого задействуются самые разные ресурсы, которые повышают вероятность осуществить запланированные действия и достичь преднамеренных результатов. Основное различие применительно к ресурсам – их доступность. С одной стороны, есть *ресурсы, требующие мобилизации*, агрегирования и спецификации для использования в отношении определенной цели. Этот тип ресурсов предполагает наличие сети, эффективных каналов коммуникации и активной позиции акторов для доступа к ним. В противоположность первым мы можем выделить «пассивные» ресурсы, не требующие для доступа мобилизации и представляющие как полномочия, *ресурсы статуса*. На этом различии мы

строим второе основание для построения типологии и различаем приоритеты в ориентациях актора-социального новатора на «мобилизуемые» (*ресурсы сети*) и на «пассивные» (*ресурсы институционального статуса*). По вертикали в схеме расположена ось ресурсов: верхний полюс – ресурсы сети, нижний – ресурсы статуса. Стоит подчеркнуть, что предлагаемая типология относится не к типам социальных новаторов, а к типам социального действия. Один и тот же человек (группа людей) может в своей деятельности реализовывать все четыре типа действия, либо некоторые из них.

Описание сегментов типологии

Для обозначения первого сегмента типологии мы использовали метафору «социального активиста». В качестве *понятия* это словосочетание используется часто (Маковецкая 2012: 6), но здесь мы будем следовать логике Карин Клеман и ее коллег, характеризующих так любого человека, вырвавшегося из «обывательского» фрейма, «не желающего вести "овощной" образ жизни» и отличающегося ситуативной или же регулярной склонностью, интересом к добровольному участию в коллективных действиях (Клеман и др. 2010: 17). Тип «социального активиста» предполагает, что один человек либо группа людей могут выступать в качестве социального новатора, когда нужно доказать необходимость нового правила. Поводом для самоорганизации и мобилизации может стать дефицит и низкое качество воздействия со стороны правил. «Нормативный вакуум» применительно к новым «полям» социального взаимодействия не может быть адекватно заполнен задействованными «по случаю» или «по сходству» нормами. Например, нет правил, требующих согласования с жителями возможностей «уплотнительной застройки» и её параметров. Фактом своей инициативности и мобилизации социальные активисты утверждают существование «арен», которые прежде находились вне институционально закрепленных и проработанных систем правил и требуют безотлагательного конституирования и последующего регулирования. Разумеется, социальные активисты могут начать процессы институционализации «своей» низовой инициативы или социального движения. В этом случае траектории их движения как социальных новаторов могут приводить их на ролевые позиции «законодателей», «институциональных предпринимателей» или же «правозащитников».

«**Социальные активисты**» выступают с инициативами изменения правил тогда, когда они видят, что действующие нормы препятствуют решению проблемы, с которой им приходится иметь дело. Однако они сталкиваются с «отягчающим» обстоятельством – нежеланием, неготовностью или неумением представителей власти или «профильных» структур вступить в диалог, брать на себя инициативу, вырабатывать и реализовывать

программу изменений. Таким образом, особенности ситуации подталкивают «социальных активистов» использовать наиболее важный ресурс – мобилизованную сеть сторонников. Вот, например, один из активистов, лидер социально-протестных движений города И. говорил о постоянном мониторинге инициатив и самоорганизаций, о различных формах работы с ними, в основе которых лежит именно мобилизация ресурса социальной сети и готовность к волонтерской работе:

Возникнув на волне антимонетизационных действий, структура Координационного совета гражданских действий (КСГД) не распалась, а функционирует. С того времени проявился широкий спектр направлений работы по социальным проблемам – пенсионная, жилищная, градостроительная политика, экологическая и другие. <...> Мы мониторим ситуацию с протестными инициативами, и к нам стекается вся информация по тем проблемам, которые у нас в городе есть, и по которым власти не хотят решать, или мы не хотим, чтобы власть сама там себе чего-то решала. И, конечно, это сопрягается с избирательными кампаниями (И., КСГД, 2010).

Добровольное использование волонтерской работы в протестном движении, ориентированном на побуждение власти к изменениям в системе или режимах правил, – практика вполне самоочевидная. Люди вовлечены в некую проблемную ситуацию, и своим участием они прибавляют ресурсов, политического веса уже сложившимся структурам – в данном случае КСГД, институционализировавшемуся в роли политической организации. Тем не менее, и в «классическом» волонтерстве, ориентированном на помогающее поведение, есть примеры, когда именно устойчивость и массовость участия, сетевая поддержка (прямая или косвенная) становились ресурсом для стимуляции изменений. Например, сам статус волонтера – это та социальная новация, которая до сих пор не имеет нормативной определенности – как с позиции формального статуса, так и с ценностной точки зрения. Отношение к «волонтерским книжкам» оценивается неоднозначно. С одной стороны, эта идея одобряется, потому что можно учесть и предъявить свой послужной список. С другой стороны, она встречает осуждение тех, кто опасается излишней бюрократизации волонтерского движения:

Мы сопровождаем ребенка, а он попадает в больницу. И придется преодолевать преграды, чтобы разрешили волонтеру навещать этого ребенка. Я могу понять руководство больницы, система безопасности должна существовать. Но никто в больнице не знает, кто же это решает... Понятие «доброволец» не то, чтобы не сформировано, но нет такого статуса (СПб, Благотворительный фонд, 2012).

Конечно, в этом случае сотрудники благотворительного фонда решили проблему – опираясь на массовость волонтерских практик и апеллируя

к большому числу волонтеров-сторонников. Но важно отметить, что обсуждение в интервью велось именно в контексте более общих задач – специального направления работы по приданию большей определенности правилам, которые регулируют деятельность добровольцев.

«**Институциональный предприниматель**» претендует на то, чтобы изменить процедуры или создать новые *в рамках существующих правил*. Если взять тот же пример согласования с жителями уплотнительной застройки, то мало доказать необходимость такого согласования. Нужно придумать процедуры, которые сделали бы это правило работающим. Сейчас есть практики обсуждения с жителями перспектив развития территории, где они живут, но процедуры учета мнений предоставляют широкие возможности манипулирования результатами. Ещё один пример существующего, но не работающего правила – это право работников на забастовку, которое практически невозможно реализовать на практике. Нил Флигстин пишет, что любые системы правил не просто вытекают из властных отношений, но и сами являются источником влияния, и главная их функция – стабилизация ролевых позиций и статусного положения «инкумбента», защищающегося от «претендентов». Соответственно последние и являются институциональными предпринимателями, способными видеть перспективы в создании новых социальных практик (Флигстин 2001).

Одним из наиболее ярких представителей типа «социального предпринимателя» является общественный лидер, интервьюированный нами в 2001 г. Ее предпринимательские идеи заключались в том, как в условиях абсолютного дефицита ресурсов организовать бизнес, благодаря которому нуждающиеся смогли бы помочь сами себе. Отправной точкой стала идея самопомощи, сеть знакомств и решимость связать слабые и не работающие возможности сети, а основным компонентом этой активности – мобилизация готовности людей к волонтерской работе:

Когда я создавала кооператив, решила, что нужно взять людей, которые по разным причинам находятся на самом дне и не получают помощь от государства. Таких я обнаружила очень много, почти двести человек. Решили, что лучше всего их научить шить, потому что шитьем можно заниматься у себя дома. Все работающие получали много, примерно в десять раз больше, чем у государства на таких работах. Это было, с одной стороны, производство, а с другой – социализация... Вся прибыль принадлежала мне, как организатору. Но я от нее отказалась, получала такую же зарплату, как портниха. На прибыль содержали людей, которых не могли занять производством. У нас было несколько, они ухаживали за больными. Платили стипендии некоторым студентам-инвалидам. Когда были эти голодные годы, у нас был договор с птицефабрикой, с маслозаводом, и мы получали продукты (Москва, рег. общ. орг. 2001 г.).

Институциональные предприниматели способны придумать новую идею решения проблем, заставить работать неработающие правила, а точнее – людей, которые обязаны по должности эти правила выполнять. Здесь часто появляются новые практики, которые не просто показывают, как можно заставить работать буксующие нормы, но такие, которые затем становятся культурными концепциями¹. Это, например, новая мода, новый стиль жизни, новый культурный феномен. Способность придумать логику решения задач – важнейшее свойство социальных новаторов, потому что именно технологии, знание о том, *как сделать*, очень часто делают неразрешимую проблему – разрешимой:

Один из проектов – это помощь семьям с детьми-инвалидами, чтобы родители могли чувствовать себя более уверенно, комфортно, чтоб была какая-то поддержка, передышка в работе с детьми. Особенно с ДЦП, сложные инвалидные случаи. Хотелось бы создать гостевые семьи, когда детей-инвалидов на короткое время, на 2, на 3 часа можно было бы поместить в эти семьи для того, чтобы мать могла какие-то свои вопросы порешать (Волгоград, фонд соц. помощи, 2012).

Тип «правозащитника» хоть и представлен метафорой, но обозначает определенный тип действия. Он связан с практиками *гражданского контроля* – участием сравнительно небольшого круга людей с профессиональной подготовкой в определенной сфере (финансы, право, экология) в экспертизе проблемных ситуаций, подготовке решений и контроле над реализацией разработанных программ действий. Один из основных ресурсов такой экспертной позиции – институционально подкрепленный статус и профессионала, и эксперта. Правозащитной деятельностью занимаются общественные организации, которые ориентированы на определенную социальную группу и специализируются на правовых проблемах людей разных категорий (беженцы, наёмные работники, мигранты, выпускники детских домов). Это специфическая деятельность, которая требует не только профессиональных знаний, но и навыков реальной адвокатской (правозащитной) работы. Поскольку правозащитники часто сталкиваются с ситуацией правового вакуума, они нередко оказываются в роли социального активиста; вольно или невольно соприкасаются с по-

¹ В исследовании ипотечных заемщиков в 2007–2010 гг. (Иркутск), мы столкнулись с ситуацией, когда предприниматель-застройщик, сам создал сообщество дольщиков еще до начала строительства жилья. Ему нужна была поддержка жителей, чтобы затем на региональном уровне провести ряд законодательных решений по созданию нормативного обеспечения взаимной связки ипотеки, жилищного строительства и ряда региональных программ, субсидирующих молодые семьи, военных, врачей и т.д. (Климов 2009: 66–73; Климов 2010а). В дальнейшем (2009–11 гг.) история не обошлась без акций протеста, конфликтов и даже суда, но также были и примеры сотрудничества дольщиков и застройщика в кризисном 2010 г. для принуждения региональных властей к исполнению своих обязательств.

литическими проблемами, хотя зачастую старательно декларируют свою дистанцированность от политики:

Для меня всякая политизация правозащиты представляется сегодня даже не столько опасным, сколько очень неэффективным делом... Но государственные структуры не были готовы к такому наплыву мигрантов и беженцев, к законодательному регулированию их жизни и работы в России. А беженцы и мигранты не были готовы к тому, что они окажутся в России в совершенно ненормальных условиях. Российские власти не хотели нарушать международные нормы для того, чтобы защитить людей, которые оказались в России. И это было неявной формой отказа от помощи беженцам (Москва, правозащитная орг., 2010 г.).

Последний сегмент типологии – «законодатель». Актор этого типа обладает достаточно объемными полномочиями не только по настройке регулятивных функций правил, но и оформлению нормами новых «полей» и «арен». При этом его активность по их созданию по большей части не нуждается в дополнительных обоснованиях, поскольку правомочность его участия ранее подтверждена серией институционализированных правил, процедур и практик (например, выборы для депутата, персональные назначения для должностного лица). Статус и приписанные ему функции оказываются главным ресурсом при создании правил (в особенности – концептуально новых), поскольку защищены легитимными процедурами и не подвергаются сомнению по существу. Но по форме и персональному участию конкретных индивидов возможны определенные «атаки», которые также регулируются соответствующими правилами – например, отзыв депутата. Мы обратили внимание на то, что «законодатели», как правило, видят проблему, с которой им нужно иметь дело, как системную, и анализируют возможности ее решения, учитывая весь комплекс обстоятельств. Как иллюстрация – рассуждение одного из депутатов Госдумы в интервью 2010 г. по поводу проблем трудовой миграции:

Проблема миграции – это проблема как внешних, так и внутренних мигрантов. <...> В этой схеме за вычетом взяточников и строительных корпораций, страдают абсолютно все. Подобное положение дел формирует условия для роста преступности – раз; для формирования закрытых систем патрон-клиентелла – два, то есть, закрытых и не конкурентных систем. И три – формирует почву для напряженных межнациональных отношений (Москва, 2010 г.).

Предложенная типология позволяет говорить о том, что социальные новации не просто производятся социальными движениями и гражданскими лидерами, но в определенной мере зависят от той роли и типа стратегического действия, которые активисты выбирают для себя в отношении желаемых нововведений. Выделенные типы социальных новаторов

могут комбинироваться друг с другом. Однако типология позволяет различать приоритеты в их действиях – в отношении трансформации систем правил и мобилизации доступных ресурсов для этого вида активности. Тем не менее, важно отметить, что одновременное обладание несколькими ролями приводит не к усилению позиций актора, а к утрате определенных видов ресурсов, свойственных для каждой из ролевых позиций. Например, трудно быть «законодателем», и в то же время сохранять мобилизационный потенциал сети сторонников. То же самое характерно и для позиций «институционального предпринимателя» и «законодателя»: при всей «прозрачности» границ между этими позициями, опасность кроется в том, что сети поддержки «предпринимателя» могут переродиться в лоббистские структуры вокруг «законодателя».

* * *

Предложенная типология может помочь в оценке того, какие возможности и ресурсы будут приобретаться и утрачиваться при переходе того или иного актора из одной ролевой позиции в другую (или при длительном их совмещении). Примеры успешного совмещения довольно редки, и, как правило, они всегда сопровождаются возникновением сложной разноуровневой организации. Тем не менее, активисты говорят о трудности совмещения разных ролевых позиций. В некоторых случаях спасает делегирование задачи – создание автономного субъекта, с которым выстраиваются сложные договорные отношения, а не отношения патронажа. Например, упоминавшееся исследование сообщества дольщиков, когда застройщик, помогая их самоорганизации, четко определил свои интересы и границы своей ответственности по отношению к сообществу. Основной мотив – понимание потенциального «конфликта интересов». В терминах нашей типологии, он предпочел сохранить роль «институционального предпринимателя», делегировать инициативной группе дольщиков роль «социального активиста» и выстроить партнерские отношения с депутатами Законодательного собрания области. Предложенная типология позволяет не только описывать «идеальные типы» инноваторов и их стратегии; она позволяет увидеть возможные приобретения и потери социальных новаторов при смене или совмещении различных ролевых позиций.

Список источников

Бодренкова Г. П. Развитие механизмов системной поддержки добровольчества. Опыт регионов и муниципалитетов // Шадрин А. Е. (ред.) *Социальное партнерство и развитие институтов гражданского общества в регионах и муниципалитетах: практика межсекторного взаимодействия*. М.: Агентство социальной информации, 2008: 63–79.

- Клеман К., Мирясова О., Демидов А. (ред.) *От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России*. М.: Три квадрата, 2010.
- Климов И. Сочи-2014: Власть и граждане в поисках взаимопонимания // *Социальная реальность*. 2008. 8–10: 40–50.
- Климов И. Социальная ответственность бизнеса даже на уровне идеи дает эффект за пределами проекта // *Муниципальная власть*. 2009. 4: 66–70.
- Климов И. Ипотечные заемщики как инноваторы // Ядов В. А. (ред.) *Как люди делают себя: обычные россияне в необычных обстоятельствах*. М.: Логос, 2010а: 144–185.
- Климов И. Скрытые линии социальных разломов в предолимпийском Сочи // *Мониторинг общественного мнения*. 2010b. 3(97): 159–168.
- Маковецкая С. (ред.) *Исследование активизма в России*. М.: Центр ГРАНИ, 2012. // <http://grany-center.org/content/nonpolitic> (дата обращения: 15.04.2014).
- Флигстин Н. Поля, власть и социальные навыки: критический анализ новых институциональных течений // *Экономическая социология*. 2001. 2(4): 28–55.
- Burns T., Flam H. *The Shaping of Social Organization*. Beverly Hills: Sage, 1987.
- Giddens A. *Central Problems in Social Theory: Action, Structure and Contradiction in Social Analysis*. London: Macmillan Press, 1979.
- Giddens A. *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration*. Cambridge: Polity Press, 1984.
- Keane J. *Global Civil Society?* Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Rogers E. *Diffusion of Innovations*. Glencoe: Free Press, 1962.
- Rogers E. *Diffusion of Innovations* (5th edition). New York: Free Press, 2003.
- Salamon L. M., Sokolowski S. W., List R. *Global Civil Society. An Overview*. Baltimore: Center for Civil Society Studies Institute for Policy Studies The Johns Hopkins University, 2003.
- Sousa Santos de B. The World Social Forum and Global Left // *Politics and Society*. 2008. 36: 247–270.
- Stone D. Transfer Agents and Global Networks in the "Transnationalisation" of Policy // *Journal of European Public Policy*. 2004. 11(3): 545–566.
- Wejnert B. Integrating Models of Diffusion of Innovations: A Conceptual Framework // *Annual Review of Sociology*. 2002. 28: 297–326.

"CONSTRUCTIVE" AND "PROTESTING" MOVEMENTS AS A SOURCE OF SOCIAL CHANGE IN PRACTICES

Ivan Klimov

In sociology, scholars often focus their attention on changes and innovations and, in many cases, categorise them as deviations (R. Merton, T. Parsons). It is also a problematic issue to look at how people or institutions adapt to innovations. This latter question is related to the activation or culmination of an internal cultural conflict or controversial socio-cultural patterns. This aspect is the initial focal point of this research that focuses on the practices of producing social innovations that emerge as a result of citizens' activities. We distinguish a group of "social innovators" from other types of civil activists. We define "social innovators" through (a) their ability to influence current norms found in existing practices and institutions; and (b) their ability to create community networks. These characteristics are taken as a base for a typology that aims to define potentially viable forms of social innovation by distinguishing the functional specifics and role positions of social innovators without the opposition of "constructive" and protesting forms of activism. We believe that the proposed types can be viewed as combinations merging with each other. However, this typology does not only provide a description of "ideal types" of social innovators; it also provides social innovators with an insight to the costs and benefits of shifting from one position to another or combining a number of these positions.

Key words: civil activism, social innovation, volunteering, protest movements

References

- Bodrenkova G. P. (2008) Razvitie mekhanizmov sistemnoy podderzhki dobrovol'chestva. Opyt regionov i munitsipalitetov [The Development of Systemic Support Mechanisms in Volunteering. The Case of Regions and Municipalities]. A. E. Shadrin (ed.) *Sotsial'noe partnerstvo i razvitie institutov grazhdanskogo obshchestva v regionakh i munitsipalitetakh: praktika mezhshektornogo vzaimodeystviya* [Social Partnership and the Development of Civil Society Institutions in the Regions and Municipalities: The Practice of Intersectional Interaction], Moscow: Agentstvo sotsial'noy informatsii: 63–79.
- Burns T., Flam H. (1987) *The Shaping of Social Organization*, Beverly Hills: Sage.
- Clement C., Miryasova O., Demidov A. (eds.) (2010) *Ot obyvateley k aktivistam. Zarozhdayushchiesya sotsial'nye dvizheniya v sovremennoy Rossii* [From Ordinary Citizens to Activists. Emerging Social Movements in Contemporary Russia], Moscow: Tri kvadrata.
- Fligstin N. (2001) Polya, vlast' i sotsial'nye navyki: kriticheskiy analiz novykh institutsional'nykh techeniy [Fields, Power and Social Skill: a Critical Analysis of the New Institutional Forms]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic Sociology], 2(4): 28–55.

Ivan Klimov – assistant professor, Faculty of Sociology, National Research University Higher School of Economics; Director, Centre for Studies of Internet and Society, New Economic School, Moscow, Russian Federation. Email: klimov_ivan@list.ru

- Giddens A. (1979) *Central Problems in Social Theory: Action, Structure and Contradiction in Social Analysis*, London: Macmillan Press.
- Giddens A. (1984) *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration*, Cambridge: Polity Press.
- Keane J. (2003) *Global Civil Society?* Cambridge: Cambridge University Press.
- Klimov I. (2008) Sochi-2014: Vlast' i grazhdane v poiskakh vzaimoponimaniya [Sochi-2014: Authorities and Citizens in the Search for Mutual Understanding]. *Sotsial'naya real'nost'* [Social Reality], 8–10: 40–50.
- Klimov I. (2009) Sotsial'naya otvetstvennost' biznesa dazhe na urovne idei daet effekt za predelami proekta [Even as an Idea, Social Responsibility Gives Results Outside of a Project]. *Munitsipal'naya vlast'* [Municipal Authority], 4: 66–70.
- Klimov I. (2010a) Ipotechnye zaemshchiki kak innovatory [Mortgage Borrowers as Innovators]. V. A. Yadov (ed.) *Kak lyudi delayut sebya: obychnye rossiyane v neobychnykh obstoyatel'stvakh* [How People Make Themselves: Common Russians in Uncommon Situations], Moscow: Logos: 144–185.
- Klimov I. (2010b) Skrytye linii sotsial'nykh razlomov v predolimpiyskom Sochi [Hidden Gaps of Social Breaks in Pre-Olympic Sochi]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya* [Monitoring of Public Opinion], 3(97): 159–168.
- Makovetskaya S. (ed.) (2012) *Issledovanie aktivizma v Rossii* [Studies of Activism in Russia], Moscow: Tsentr GRANI. Available at: <http://grany-center.org/content/nonpolitic> (accessed 15 April 2014).
- Rogers E. (1962) *Diffusion of Innovations*, Glencoe: Free Press.
- Rogers E. (2003) *Diffusion of Innovations (5th Edition)*, New York: Free Press.
- Salamon L. M., Sokolowski S. W., List R. (2003) *Global Civil Society. An Overview*. Baltimore: Center for Civil Society Studies Institute for Policy Studies The Johns Hopkins University.
- Sousa Santos de B. (2008) The World Social Forum and Global Left. *Politics and Society*, 36: 247–270.
- Stone D. (2004) Transfer Agents and Global Networks in the "Transnationalisation" of Policy. *Journal of European Public Policy*, 11(3): 545–566.
- Wejnert B. (2002) Integrating Models of Diffusion of Innovations: A Conceptual Framework. *Annual Review of Sociology*, 28: 297–326.